

Роза Хуснутдинова

проза

Сказка

10

Садового Кольца

В ДВУХ этажах высокого каменного дома, выходящего окнами на Садовое Кольцо, жил молодой предприниматель Иван Коромыслов. Купленная им квартира, из семи комнат, была отремонтирована, заставлена модной мебелью, разными вещами – лыжами для высокогорных катаний, резиновой лодкой для спуска по горным рекам, аквалангом, ластами для подводных плаваний, альпинистской палаткой, подводным ружьём, бильярдом, видеокамерой, домашним кинотеатром, ящиком с мобильными телефонами разных марок. Но всем этим Коромыслов не пользовался, он уходил на работу рано утром, возвращался домой глубокой ночью усталый, поужинав, сразу засыпал.

За домом присматривал земляк Коромыслова Прохор. Он готовил еду, следил за порядком и остальными обитателями дома: попугайчиком Светофором, щенком породы чао-чао Бойцом и крокодилком Амазончиком, плавающим в бассейне, выложенном синими и зелёными плитками.

Иногда Коромыслов возвращался домой весёлый, садился у края бассейна с рюмкой коньяка и начинал разговаривать с крокодилком.

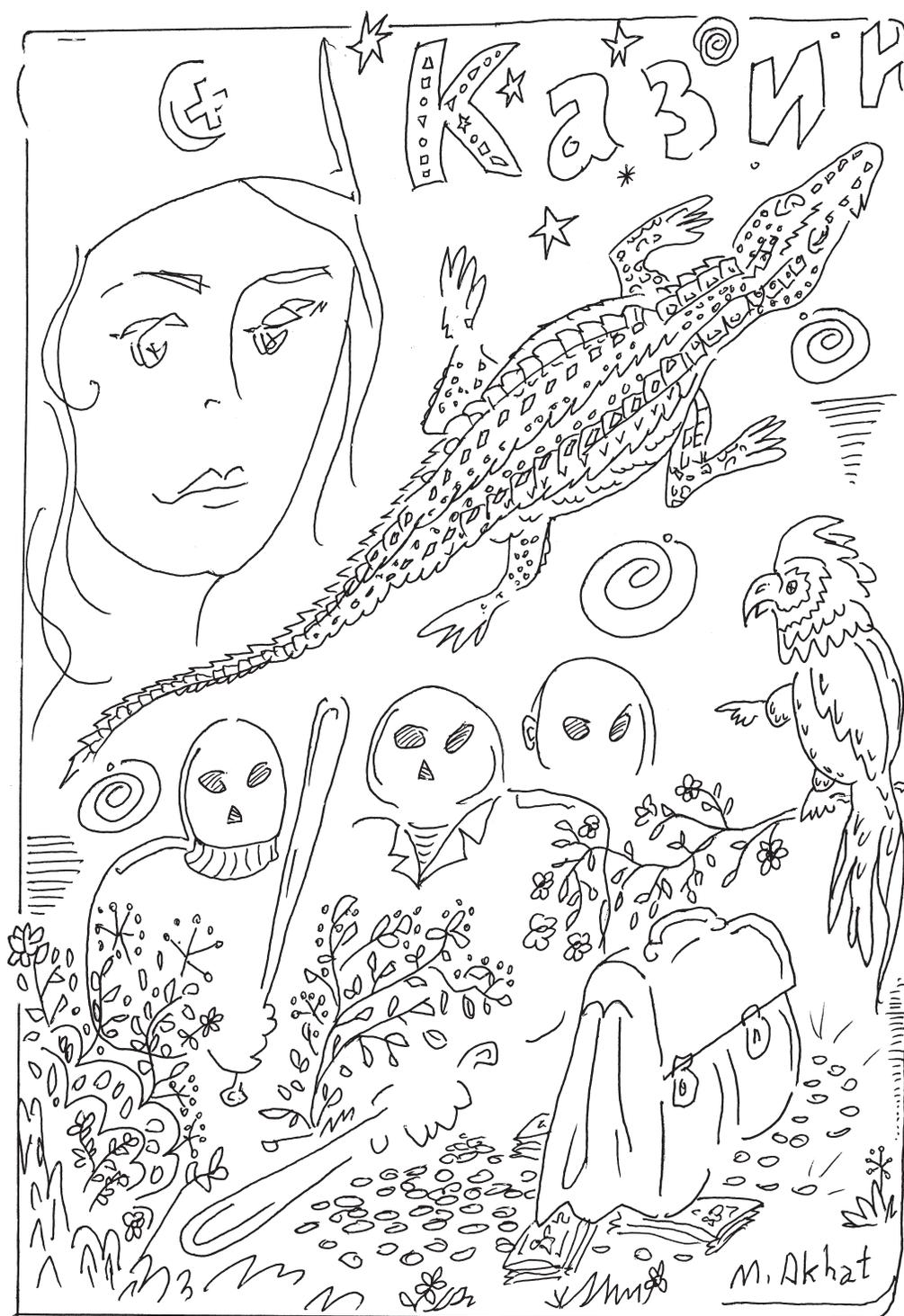
– Ну как, Амазончик, плаваем? – обращался к нему хозяин. – Никто не обижают? А меня обижают, сегодня чуть не слопали. Кругом одни хищники, Амазончик! Акулы, гиены, крокодилы! Мой компаньон, Комар, то бишь, Комаров, так и норовит меня проглотить. Но я не дамся, ничего у него не выйдет.

И вылив остаток дорогого французского коньяка в бассейн, хозяин уходил спать.

А засыпая в своей широченной из карельской берёзы, под бархатным балдахинном кровати, разговаривал с щенком, лежащим на коврикке возле кровати:

– Ну что, Боец, покажем завтра нашим врагам, как надо драться? Вишь, какая морда у тебя серьёзная! Молодец! Так держать!

Утром, умывшись, позанимавшись на тренажёре, выпив чашку кофе с бу-

тербродом, в бодром настроении хозяин подходил к клетке с попугаем, висящей у окна, и говорил:

– Светофор, ну, поздоровайся! Скажи: «Привет, Ваня!» Ты же попугай, должен уметь говорить. Зачем я отдал за тебя пять сотен зелёных!

Иногда в воскресные дни хозяин заносил клетку с попугаем в комнату с бассейном, звал туда Бойца, приносил видеомагнитофон, вставлял кассету с фильмом «Дикая природа» и показывал кино.

И комментировал:

– Видишь, Амазончик, твоя родина! Видишь, какая глушь! Вода зелёная! Вон твои сородичи плавают! Светофор, видишь своих соплеменников? вон они на ветках сидят! Да, когда-нибудь, когда всё надест, брошу дела и поеду туда, поселюсь в тех местах, по крайней мере, там нет людей-хищников.

– Иван Алексеевич, почему же туда, а не в наше Васильево? – подавал голос Прохор, тоже любивший смотреть кино про дикую природу.

– Потому что в Васильеве меня найдут враги, а на Амазонке не найдут, – отвечал Иван.

Коромыслов и Прохор были из деревни Васильево, из северной глуши, покинули её несколько лет назад. В нищей деревне остался рыжий зеленоглазый драчливый, но любимый кот Василий, которого Иван подарил соседу Игнату, заколоченный дом и «кочка» на краю болота, куда с детства любил убежать Иван, чтобы подумать об обидчиках, о том, как жить дальше, иногда и поплакать. На этой самой болотной кочке однажды и услышал закончивший институт Иван, как изготавливают металлические трубы, которые «сто лет не будут ржаветь», будто в ухо кто нашептал.

Коромыслов уехал в Москву, нашёл заинтересованных людей и вместе с ними стал делать на купленном в кредит заводике необыкновенно прочные трубы, «которые сто лет не ржавеют». Их брали нарасхват, прохудившихся труб в стране было много, повсюду требовалась их замена. Секрет изготовления

труб Коромыслов хранил в тайне, оттого и был пока богатым человеком.

– Может, прежде, чем отправиться на Амазонку, жениться вам? – предлагал Прохор.

– На ком? На этой Нинель, которая напоила меня до беспамьятства и подсунула бумагу на миллион рублей, которую я, дурак, подписал? Или на Соньке, которая попросила меня купить мерседес, а потом сбежала с поваром из тайского ресторана? Нет, этих крадь мне враги подсылают, не верю я больше ничьим «голубым глазкам», – качал головой Коромыслов. – У них на уме одно: узнать про состав, из которого мы делаем наши трубы.

Прохор почти всё время проводил в квартире, выходил лишь в магазин да на рынок. Но, выходя из квартиры, каждый раз чертыхался: уж больно сложна была система сигнализации, всякие кодовые слова, которые нужно было произносить, каждую неделю – новые, чтобы дверь в квартиру открылась, впустила в дом. Так требовала служба, которая установила эту сигнализацию. Один раз кодовым предложением служили слова песни: «С чего начинается родина?» Во второй раз: «Потому что нельзя быть красивой такой».

Прохор, конечно, знал много песен, но слова их помнил не все. Потому частенько подолгу стоял перед закрытой дверью, припоминая нужные слова.

Рядом с домом находился новенький, весь из стекла и алюминия АВС-банк, с изображением земного шара над входом. Дальше по улице находился японский ресторан с девушкой, одетой в кимоно, размахивающей веером перед входными дверями, дальше – сверкающее днём и ночью яркими огнями «Казино», ещё дальше – обветшавшее здание театра, к которому по вечерам подъезжали на автомобилях люди, не скупящиеся платить тысячи рублей за модный спектакль.

Прохору было жаль японки, размахивающей веером перед рестораном.

Как-то он подошёл к ней и участливо спросил:

– Не замёрзла, Чио-Чио-санка? Согреться не хочешь? – И протянул ей фляжку с коньяком. – На, глотни!

Японка испуганно оглянулась на двери ресторана и отрицательно покачала головой.

На другой день Прохор подошёл к девушке с термосом, из которого налил в кружку горячего чая и протянул ей:

– А может, чаю выпьешь, если спиртное не идёт?

Девушка улыбнулась Прохору, взяла кружку, отпила глоточек. Потом вынула из рукава кимоно фотографию, показала Прохору, шепнула:

– Киото, моя родина.

На фотографии был изображён старинный японский городок с храмами, пагодами.

– Красиво, – кивнул Прохор.

Но тут из ресторана выглянул жёлтый японец в смокинге и резко позвал девушку.

Она грациозно развернулась в сверкающем, как оперенье экзотичной птички, кимоно и засеменила в ресторан.

Прохор грустно смотрел ей вслед:

– Да, подневольная!

И, вздохнув, отправился домой.

Как-то, когда Прохор вышел за продуктами из дома, в квартиру, несмотря на хваленую сигнализацию, всё же проникли люди в масках. Перерыли все шкафы, полки в комнатах, залезли на антресоли, вскрыли сейф, но секретной бумаги с разъяснением состава «коромысловских труб» так и не нашли. Вынули из холодильника бутылку с коньяком, чтобы выпить с горя, как вдруг из комнаты с бассейном вылез Амазончик. В отсутствие Прохора он иногда вылезал из бассейна, открывал передней лапой дверь и выходил в другие комнаты, шлёпал по блестящему паркету, искал, принохиваясь, «Боржоми», которое ему очень нравилось. Как-то хозяин угостил его целым ящиком «Боржоми», и с тех пор Амазончик полюбил эту полезную воду.

Когда на пороге библиотеки, в которой расселись воры, возник стряхивающий с себя брызги пятнистый кроко-

дил с разинутой пастью, те с перепугу повыпрыгивали из окон. А тут и Прохор вернулся из магазина с покупками в руках. После этого случая сигнализацию опять заменили, Прохор решил выходить из дома ещё реже, а хозяин купил Амазончику в подарок целых три ящика «Боржоми».

– Они думали, я свой секрет дома держу! – смеялся Коромыслов. – Я-то знаю, где держать, никогда не догадаются.

Однажды попугай Светофор, которого Прохор выпустил из клетки полетать по квартире, приблизился к биноклю, висящему на шпингалете окна, выходящего на Садовое Кольцо.

Заглянул из любопытства в блестящие кружочки бинокля и замер. Перед ним было небесное видение. Казалось, совсем рядом с ним на жёрдочке в клетке сидела небесно-голубая птичка, прелестная, как сон. Это была попугайчиха с его родины.

Светофор отлетел от бинокля и – что же! – видение исчезло. Оказывается, его можно было разглядеть только через стеклянные кружочки в бинокле.

Светофор уселся на подоконник и пристально стал вглядываться через широкую улицу в дом напротив.

Это был высокий каменный дом жёлтого цвета со множеством окон, с узкими балконами.

В одном из окон Светофор разглядел неясное голубоватое пятно, ту самую птичку.

Он задумался: как добраться до окна в доме напротив? Перелететь через улицу? Но она казалась такой опасной! По ней в несколько рядов мчались машины, ехали троллейбусы, от проводов то и дело отлетали искры. И слышался такой шум, гвалт, визг тормозов, что казалось, через такое пространство невозможно перебраться.

И всё же Светофор решился. Когда Прохор в очередной раз покинул квартиру, отправился за покупками, Светофор подлетел к форточке, мощным загнутым клювом отодрал металлическую сетку и вылетел на улицу. Смело пролетел

несколько метров, присел на верх остановившейся перед светофором легковушки, а когда машина резко тронулась с места, взлетел и пересёк ещё немного пространства, таким образом половина пути была преодолена. Потом он передохнул на крыше остановившегося синего троллейбуса и снова полетел, благополучно достиг карниза заветного окна.

Но препятствием к клетке с птичкой теперь было стекло. На подоконнике в квартире стояла клетка с небесно-голубой птичкой, которая изумлённо и даже, кажется, нежно смотрела на Светофора. Но подлететь к ней близко мешало стекло.

К окну в квартире подошла девушка с бледным лицом, со светлыми волосами, рассыпавшимися по плечам. Она с удивлением взглянула на Светофора, сидевшего на карнизе окна.

Девушку окликнул кто-то из глубины квартиры. К окну теперь подошла старуха с вздыбленными волосами, в шёлковом халате и сердито замахала шваброй, отгоняя Светофора от окна.

Попугай повернул назад, он понял, что ему здесь не рады.

Путь назад, к своему окну был легче, из-за пробки на дорогах машины и троллейбусы стояли на одном месте подолгу. Перелетая с крыши одной машины на следующую, без приключений Светофор добрался до дома и юркнул в форточку.

Когда Прохор вернулся домой, он даже не заметил порванной сетки на оконной форточке.

На другой день Светофор снова увидел в бинокль небесно-голубую птичку и светловолосую девушку в окне дома напротив.

Девушку звали Варей, она училась в медицинском институте, снимала угол у Фёклы Петровны, которая рассказывала всем, что она из семьи дипломатов, квартира была вся набита вещами с Востока: лакированными идолами, драконами, вазами, коврами. Правда, соседка по лестничной площадке шепнула Варей, что Фёкла Петровна, может,

и жила за границей, но не в качестве члена семьи дипломата, а домработницей, её хозяйева до сих пор живут там, а Фёкла Петровна стережёт их добро здесь.

Фёкла Петровна отругала Варю за то, что та не прогнала чужого попугая, «демона, который хотел похитить нашу Лазоревку». Так хозяйка называла небесно-голубую птичку, купленную недавно в зоомагазине. Она кормила её изюмом, пшеном, всячески баловала.

– Если бы ты знала, Варя, сколько таких птичек видела я за границей! – рассказывала она жиличке во время вечерних чаепитий. – Мы выезжали на пикники в тамошние дикие леса. Деревья там совсем не наши, повсюду полно змей, а птички свистят и щебечут с утра до вечера. Жаль, Лазоревка наша всё молчит. Но её можно понять. Как тут петь среди этого шума и гвалта, ведь Садовое Кольцо превратилось теперь в ад! Сплошные пробки, отравленный воздух, нечем дышать, бедная птичка просто не хочет здесь петь!

В один из дней Светофор сделал ещё одну попытку приблизиться к дому напротив.

Варя была в квартире одна. Увидев подлетающего к карнизу красно-жёлто-зелёного попугая, она открыла окно, и он влетел в комнату. Тут же подлетел к клетке с голубой птичкой и засвистел.

Птичка прощebetала в ответ что-то мелодичное.

Светофор стремительно приблизился к клетке, мощным клювом отодвинул задвижку, и птичка вылетела на свободу. Парочка метнулась в окно, прямо на Садовое Кольцо, по которому с грохотом и шумом проезжали машины.

В эту минуту в комнату вошла Фёкла Петровна. Увидела пустую клетку, раскрытое окно и закричала:

– Растяпа, выпустила птичку! Знает, демон всё-таки похитил нашу Лазоревку! Вон из дома! Не возвращайся, пока не найдёшь бедняжку!

Что было делать Варей? Она отправилась в дом напротив, искать Лазоревку.

Когда в квартиру позвонили, и Прохор открыл дверь, то увидел перед собой светловолосую девушку, которая спросила:

– Попугаи у вас? Соседи сказали, что у вас живёт попугай...

– Светофор? – сказал Прохор. – Да вылетел стервец в окно, сетку в форточке порвал. Заходите.

Варя прошла в квартиру, рассказала про происшествие с хозяйской птичкой. Прохор провёл гостью по комнатам, показал богатства квартиры.

– Вы альпинисты? – спросила Варя, увидев палатку, установленную в одной из комнат на полу.

Прохор отрицательно покачал головой.

– Спасатели? – спросила Варя, увидев резиновую лодку, лыжи и печку с трубой, сваленные во второй комнате.

Прохор опять покачал головой.

– Режиссёры? Снимаете кино? – спросила Варя, увидев кинокамеру и запасы плёнки в круглых металлических коробках.

– Иван Алексеевич занимается серьёзным делом, я ему помогаю, земляки мы, – объяснил Прохор.

– Каким делом? – спросила Варя.

– Изготавливаем трубы, которые сто лет не ржавеют, – объяснил Прохор. – Секрет изготовления знает только Иван Алексеевич. Но он боится, что конкуренты узнают секрет, потому не спит, не ест, разговаривает только со мной да ещё с нашими Амазончиком, Бойцом и Светофором... Хотите их увидеть?

И Прохор провёл Варю в комнату с бассейном.

Варя увидела крокодила и расстроилась:

– Бедненький, здесь ему, наверное, очень тесно! И скучно! Отдали бы вы его в зоопарк, там места побольше.

– Не понимаете вы, – мягко возразил Прохор. – Сейчас, если ты бизнесмен, должен дружить с крокодилами, змеями, кататься на высокогорных лыжах, заниматься подводным плаванием, прыгать с парашютом. Иначе никто не поверит в твою конкурентоспособность.

Боец Варю просто напугал.

– Какая сумрачная собака! Она не кусается? – спросила девушка. – Ой, идёт прямо ко мне!

Боец, переваливаясь на коротких лапах, неспешно подошёл к ней, устался в глаза и вдруг лизнул руку. Потом повернулся и с достоинством, не спеша вернулся в свой угол.

– Умная собака, – сказал Прохор. – Понимает, что перед ней не враг. Она одного компаньона Ивана Алексеевича чуть без штанов не оставила, разорвала их в клочья.

– Зачем же вам всё это, если вы не пользуетесь ничем? – удивилась Варя.

– Ну, сначала Иван Алексеевич купил всего, чтобы пользоваться. Да времени у него нет. В отпуск не ходил вот уже три года, боится оставить дело на компаньонов, не верит никому. Извёлся весь...

Тут во входной двери заскрипел ключ, и в комнату вошёл Иван Коромыслов, в чёрном костюме, белой рубашке, с плащом через плечо и портфелем в руке.

Он уставился на Варю.

– Это кто? Опять «голубые глазки»? Уж прямо домой ко мне присылают? Комаров, что ли, постарался? Комаров на всё готов, какую хочешь, кралю найдёт, чтобы обвести меня вокруг пальца!

– Да она птичку ищет, кажись, наш Светофор её попугайчиху увёл, девушку с квартиры выселяют из-за этого, – пояснил Прохор, стесняясь грубости земляка.

Коромыслов плюхнулся в кресло, закрыл лицо руками и закачался, застонал:

– Кругом одни враги!

И вдруг замолчал, съехал в кресле, безвольно свесил руки, опустил на грудь кудрявую голову, заснул на полуслове.

Варя внимательно смотрела на спящего молодого человека, такого беспомощного и, к слову сказать, очень симпатичного.

– Я в медицинском учусь, – повернулась она к Прохору. – На третьем курсе... У вашего земляка, Прохор, синдром

хронической усталости, крайнее нервное истощение. Ему надо отдохнуть где-нибудь в тихом месте, на природе...

– В Васильево бы нам, – кивнул Прохор, – в наши бы болота... Клюквочку пособирать, поохотиться... Да ведь не поедет, не бросит дела.

– Ну, до свиданья, – направились к двери Варя.

– Куда ж вы? – попытался остановить её Прохор. – Сейчас он выспится, чаю попьём, поговорим... Ему разговор с хорошим человеком нужен!

– Мне, действительно, пора, – ответила Варя. – Боюсь, придётся перебираться в общежитие, хозяйка очень рассердилась из-за птички...

И ушла.

А ночью Коромыслов увидел сон. Будто он в родных болотах, охотится там, и вдруг попадает в какую-то тряси-ну, начинает погружаться в неё всё глубже и глубже. На берегу – знакомые лица, нет, не лица! – рыла компаньонов, они смеются над ним, показывают на него пальцами, кричат: «Тонет! Тонет!» И тут перед ним возникает девушка с бледным лицом, со светлыми волосами, рассыпавшимися по плечам, смотрит участливо, протягивает корягу, чтобы ухватился за неё, и он вылез из трясины...

– Где она? – бросился утром Иван к Прохору. – Где эта девушка, которая была тут вчера?

– Ушла, – развёл руками Прохор. – Обидели вы её разными словами, всякими подозрениями... А девушка хорошая. В медицинском учится... Сказала: «Вашему земляку нужен отдых!» По-едем в Васильево, Иван Алексеевич, а?

– Найди её, Прохор! – попросил Иван.

Прохор кивнул:

– Схожу в дом напротив, там она вроде обитает, по ту сторону Садового...

Но когда он вычислил квартиру в каменном доме напротив и позвонил в дверь, хозяйка в шёлковом халате, со вздыбленными волосами сообщила Прохору, что жиличка съехала с квартиры, отправилась жить в общежитие,

звали девушку Варей, фамилию её она не запомнила, то ли Травушкина, то ли Луговкина, в общем, фамилия, как-то связанная с землёй.

Прохор вернулся домой и сообщил Ивану, что девушка пропала.

– Ну, теперь и я пропаду! – обречённо махнул рукой Иван.

У Прохора меж тем продолжалась дружба с японкой в кимоно, проводящей весь день на улице перед рестораном.

Прохор не раз звал её в гости домой, она отказывалась. Звал в ресторан, не японский, обычный – опять отказалась.

Прохор накопил открыток «Золотого Кольца России» с видами Ярославля, Суздаля, Ростова Великого, Владимира, показал девушке:

– Моя родина!

Девушка долго разглядывала открытки, восхищённо качала головой:

– Это твоя родина? И этот город? И этот? Да, Россия большая, здесь много родины...

Прохор подумал: может, показать ей старую фотографию Васильево, которую он носил с собой? Но что там увидит девушка? Ветхий деревянный дом, тополя у дома, разваливающуюся ограду? Вряд ли это может кого восхитить. И Прохор показывал девушке всё новые открытки с видами Золотого Кольца.

Между тем японка начала покашливать. Она рассказала Прохору, что сюда её привёз дальний родственник, владелец этого ресторана. Она не думала, что здесь такой суровый климат, что здесь так много злых людей на улице и такой губительный воздух. Она хочет вернуться домой, на родину, но родственник не отпускает, велит выполнить условия контракта.

– Выходи за меня замуж, Чио-Чио-санка! – не выдержал Прохор. – Хочешь, я покажу твоему родственнику, где раки зимуют?

– Спасибо, Прохор! – нежно прошептала девушка, размахивая веером и грациозно разворачиваясь в своём сверкающем кимоно. – Вы очень добрый. Но я хочу домой, в Киото!

В конце концов, Прохор обратился с просьбой к Ивану. Попросил у него денег на авиабилет для одной знакомой японки, мечтающей вернуться к себе домой. Рассказал, что она заболела, уж не чахотка ли у неё развилась от нашего сурового климата, сказал, что предлагал девушке выйти за него замуж, но она отказалась, хочет к себе домой.

Иван выдал нужную сумму, японка улетела домой. Перед рестораном на улице размахивала теперь веером другая девушка, кажется, даже не японка, просто умело загримированная и разрисованная.

А Прохор через какое-то время получил фотографию из Японии, на ней был снят Киото и знакомая девушка на фоне храма.

На обороте было написано по-русски: «Спасибо, Прохор, я выздоровела. Скоро выхожу замуж».

Между тем Иван перенёс очередной стресс. Из-за границы приехал один немец, наслышанный о замечательных «коромысловских трубах». Предложил построить новый завод, модернизировать старый. Предложил создать мощный инвестиционный фонд, внёс собственный крупный вклад. Всё, что он говорил, казалось Ивану разумным, полезным, он многому научился у этого немца. В конце визита герр Грюнвальд попросил Ивана показать ему достопримечательности Москвы. Иван повёз его по Садовому Кольцу, стал показывать изумлявшие всех приезжих здания новых банков, дворцов, казино, отелей, ресторанов, поясняя: «Вот здание, вверху – тридцать этажей, внизу ещё десять, подземный гараж, магазин, сауна, а этот отель – пятизвёздочный, здесь останавливаются очень богатые люди, например, из Эмиратов».

Немец вежливо слушал Ивана, потом спросил:

– А где в Москве домик, где жил Лев Толстой? А где церковь, где венчался Пушкин? А библиотека Тургенева? И можно ли увидеть в театре спектакль по пьесе Чехова?

Иван заказал билеты в театр, на

«Трёх сестёр», оказалось, это рядом с его домом.

Сидели близко к сцене. Герр Грюнвальд в волнении теревил программку в руках и всё старался прочесть в ней фамилии артистов.

– А кто играет Машу? – спрашивал он. – А Ирину? А Ольгу?

Этот немецкий чёт знает, как зовут каждую из трёх сестёр пьесы Чехова, похолодел Иван. Сам он этого не помнил, Чехова проходили в школе давно.

После отъезда немца Иван страшно напился и всё пытался поплавать в бассейне вместе с Амазончиком.

– Представляешь, Амазончик, этот Грюнвальд кричал мне, что главное наше богатство не трубы, не нефть, не газ, не небоскрёбы на Садовом Кольце, а великая русская культура, литература! Он спрашивал у меня, какие памятники есть на моей родине! А что там может быть, в нашем нищем Васильеве? Картошка да капуста, безработица да пьянство.

Прохор, горестно вздыхая, вытащил Ивана из бассейна, уложил его в кровать под бархатным балдахинном.

Домой вернулся Светофор, вместе со своей подружкой.

Поначалу, когда парочка вылетела из жёлтого каменного дома Фёклы Петровны прямо на Садовое Кольцо, попугаи возликовали: сейчас совьём себе гнёздышко где-нибудь в укромном местечке, заживём счастливо.

Но найти укромный уголок оказалось не просто. Во-первых, погода стояла осенняя, лил холодный дождь, порой со снегом. Деревья все облетели, да и было их в этом районе очень мало. Во дворах было шумно, повсюду слышался рёв машин, гул Садового Кольца. И повсюду ходили люди.

Светофор с подружкой попытались было залететь под крышу симпатичного деревянного домика на детской площадке. Но вечером в домик явились бомжи и стали распивать, ссориться, пока дворник не прогнал их оттуда.

Устроить гнёздышко под крышей новых современных зданий тоже не

удавалось, архитектура не позволяла, там совершенно негде было укрыться. А ютиться в пустых картонных коробках, валяющихся возле мусорных баков, очень не хотелось, здесь было грязно и небезопасно из-за бродячих кошек и собак.

Вот и случилось, что Светофор стал частенько вспоминать тёплую руку Прохора, гладившего его, когда тот выпускал попугая из клетки полетать по квартире. Потом Светофор стал вспоминать бодрый голос Ивана, предлагающего по утрам поздороваться с ним. И в один прекрасный день Светофор с Лазоревкой влетели через открытую форточку в знакомую квартиру.

Прохор обрадовался, подбежал, закричал:

– Светофор! Ты жив? Жив? Ну, молодец, молодец!

– Поехали в Васильево! – скрипучим голосом ответил Светофор.

Прохор засмеялся:

– Запомнил мои слова? Значит, можешь говорить, если хочешь?

Тут в комнату вошёл Иван, и Светофор проскрипел:

– Привет, Ваня!

А Лазоревка прощебетала что-то непонятное, но нежное.

– Привет, Светофор! – радостно ответил Иван. – Хоть попугаи не обманывают, – добавил он, довольный, – не то, что люди.

В последнее время Ивану не везло.

Сначала случилась неприятность с собакой.

Прохор каждый день выводил Бойца на прогулку только в ближайшие дворы, не желая беспокоить собаку шумом Садового Кольца, да и деревьев там было мало.

Но в этот день Прохор вдруг вспомнил уехавшую на родину нежную японку, эту иноземную девушку, так тронувшее его сердце, и он с собакой на поводке вышел на Садовую, зашагал к дверям японского ресторана.

В этот момент движение по Садовой перекрыли. Стоя посреди улицы, постовой повелительно поднял полосатый

жезл, и поток машин замер, застыл на месте, а издали послышались сирены кортежа, сопровождающего правительственную машину с министром и иностранным гостем.

И тут Боец вдруг вырвал поводок из руки Прохора и побежал по опустевшему пространству.

А когда увидел надвигающиеся на него машины с синими и красными мигалками, не убежал, а, наоборот, остановился и грозно зарычал.

Иностранный гость, отличающийся дальновзоркостью, увидел из машины собаку на дороге и сказал министру, что у него была собака такой же породы, жаль, недавно умерла. Иностранный гость попросил министра не причинять вреда этой милой собаке, подождать, пока она сама не уйдёт с дороги.

И целую минуту кортеж стоял, не двигаясь, ожидая, пока собака не соизволит покинуть магистраль.

Боец, удовлетворившись тем, что победил врага, не посмеявшего приблизиться к нему, тявкнул и не спеша затрусил обратно, к тротуару, в руки онемевшего от испуга Прохора.

Правительственный кортеж проехал дальше.

Но к Прохору тут же подскочили полицейские и вместе с собакой отвезли в участок. Там оштрафовали на кругленькую сумму, записали все данные и пригрозили наказать похлеще, если повторится что-нибудь подобное, если собака надумает снова гулять по Садовому Кольцу.

– Вы представляете себе, машина с министром из-за вашей собаки целую минуту простояла под дулами пистолетов возможных террористов! – кричал багровый от гнева начальник отделения полиции.

– Каких террористов? – удивился Прохор. – Где они могли спрятаться?

– Да в любом окне любого дома по обе стороны Садового! – отчеканил полицейский.

Когда Прохор рассказал эту историю Ивану, тот кивнул:

– Гуляй с собакой только во дворе. Запросто могли пристрелить её.

Потом украли секрет Ивана. Он хранил патент на изготовление «коромысловских труб» в простом почтовом конверте, который засунул за портрет президента, висевший в кабинете офиса, думал, что никто не решится трогать этот портрет, тем более, снимать со стены.

Но каждый раз, проводя заседания с компаньонами в этом кабинете, Иван говорил, показывая на портрет:

– Вот гарант нашего благополучия и успеха!

И, довольный, смеялся.

Компаньон Комаров задумался: почему Иван смеётся, показывая на этот совсем не смешной портрет?

И как-то, оставшись в кабинете один, Комаров снял со стены портрет в дорогой раме, внимательно обследовал его и обнаружил за картонкой, скрывающей портрет, почтовый конверт, в котором лежала бумага Коромылова со всеми тайными формулами, расчётами и цифрами.

Комаров снял с этой бумаги копию и через какое-то время покинул Ивана Коромылова, основал собственную фирму «Комаровские трубы». И клиентов Ивана переманил к себе.

Таким образом, делу Ивана был нанесён урон.

Потом лопнул АВС-банк, в котором Иван хранил сбережения. В один прекрасный день вдруг исчезла картинка с изображением земного шара с цветными огоньками, обозначающими филиалы банка повсюду, висевшая над входом в здание, зато появилась вывеска ЮКЛМН-банка. И сколько Иван ни пытался найти прежних владельцев здания, хозяев АВС-банка, найти их ему не удалось.

Так Иван потерял почти все свои деньги. Конец мечтам. Его мечтам совершить кругосветное путешествие, в полном альпинистском снаряжении взобраться на какую-нибудь вершину, побывать на Северном полюсе, а может, и на Южном, приобрести маленький

солнечный островок в тёплом океане, чтобы можно было прилетать туда в выходные дни на отдых. Купаться, загорать, наслаждаться солнцем, покоем. Привозить туда друзей, которые, может, у него ещё появятся. Ну, конечно, когда он станет очень богатым человеком, – и благотворительностью можно заняться: помочь школе для особо одарённых детей, профинансировать путешествие знаменитого соотечественника, не боящегося плавать по всем морям и океанам, купить на аукционе «Сотбис» какой-нибудь важный для российской истории документ... Да мало ли что можно сделать! И вот теперь денег нет, ухнуло всё. Теперь, может, и квартиру на Садовом кольце придётся продать, устроиться в маленькой квартирке где-нибудь в Бутово. И с Амазончиком придётся расстаться, отдать его в зоопарк, как и советовала та милая девушка, которая внезапно появилась в его жизни и исчезла...

Прохор на рынке встретил земляка Игната, из деревни Васильево. Тот рассказал, что в Васильеве нынче уродилась необыкновенно крупная сочная репа, вот он и решил привезти её на столичный рынок. Берут репу очень хорошо, невиданных фруктов на столичном рынке видимо-невидимо, и хурма всякая, и фей-хуа, и гранаты, и ананасы, а вот репы сочной, отборной не видать. Вот москвичи и обрадовались, увидев здесь васильевскую репу и целый мешок её разобрали до полудня. Сейчас собираюсь домой, на поезд, сказал Игнат.

И тут из-под прилавка вылез рыжий зеленоглазый, слегка ободранный кот Василий.

– Василий! – обрадовался Прохор. – И ты здесь!

– Я его нарочно взял с собой, – сказал Игнат, – наш Василий, оказывается, в потерю может помочь выиграть.

– Как это? – удивился Прохор.

– Угадывает цифры, – кивнул Игнат. – Говоришь ему какую-нибудь цифру, и если он кивнёт, мяукнет, значит, эта цифра верная, принесёт удачу, я уже

три билета в лотерею выиграл, ещё вот попробовать хочу...

– Пойдём к Ивану, – позвал Игната Прохор, – может, Василий и ему поможет, у Ивана сейчас плохи дела...

Так вот и получилось, что однажды вечером одетый с иголки, как в лучшие свои времена, Иван вместе с котом Василием вошёл в сверкающее огнями «Казино» по соседству и подошёл к игорным столам.

Одет он был элегантно, глядел важно, и про Василия ему ничего не сказали, не попросили оставить кота у входа.

Иван встал у стола и, как бы размышляя вслух, произнёс:

– А не поставить ли нам на десяточку, а, Василий?

Кот Василий, трущийся у его ног, тихонько мяукнул.

Иван поставил на десятку. И выиграл.

– А не поставить ли нам, Василий, на двадцаточку? – снова произнёс Иван. И кот Василий опять мяукнул.

Так Иван выиграл в этот вечер в казино кучу денег, теперь смело можно было братья за новое дело.

Одного он не учёл: уходить отсюда, из казино, с выигранными здесь большими деньгами можно было только в сопровождении крепких друзей.

Как только Иван с портфелем в руках, набитым купюрами, отошёл на несколько шагов от казино, из темноты к нему выскочили трое людей в масках, ударили по голове, вырвали из рук портфель и скрылись из глаз. Кот Василий вцепился было одному из нападавших в лодыжку, но был отброшен железной рукой и чуть не угодил под проезжавшую мимо машину, еле вывернулся.

Прохожие, к счастью, быстро вызвали полицию и «скорую», Иван с разбитой головой оказался в больнице.

Когда через день он открыл глаза, то увидел перед собой белый потолок палаты и склонённое к нему встревоженное лицо светловолосой девушки.

– Варя! – обрадовался он и снова потерял сознание.

В палате Иван пролежал почти ме-

сяц, лечили его новейшими лекарствами, кололи всякими витаминами, в больнице был даже плавательный бассейн и тренажёрный зал для занятий физкультурой. Ивана навещали сотрудники с прежней работы, Прохор, Игнат, потом Игнат уехал домой, в Васильево и кота с собой увёз, договорились встретиться на родине, когда Иван выздоровеет.

Но лучше всего помогало Ивану присутствие рядом Вари. Она проходила практику в этом институте, её хвалил работающий здесь главный врач, он говорил, что Варя «врач по сути», она старается овладеть новейшими методами лечения, но – главное! – чувствует людей, искренне сочувствует им, много знает про травы, которые собирала в детстве, вместе со своей бабушкой в заповедных валдайских лесах. Фамилия Вари была не Травушкина, не Луговкина, а Глинкина.

Квартиру на Садовой пришлось продать, крокодила Амазончика сдать в зоопарк, Светофора с Лазоревкой Варя взяла к себе, она теперь жила в общешитии, а собаку породы чао-чао, страшного Бойца, Прохор взял к себе в однокомнатную квартиру в районе метро «Бабушкинская», там он теперь и проживал.

После выписки из больницы Иван по настоянию Вари и лечащего врача отправился домой, в Васильево.

Добравшись в сырой холодный день до своей деревни, сначала поездом, потом на попутке, Иван с рюкзаком за спиной вышел из машины и огляделся вокруг. Безрадостная картина представила его глазам: развороченная колея дороги, заколоченные дома вдоль улицы, обитатели их давно уехали в другие, более радостные края. Иван увидел облетевшие, гнущиеся под порывами ветра тонкие берёзы, осины, ветлы – такие сырые, беззащитные на вид. И множество каркающих летающих по всем дворам ворон, теперь они были главными обитателями деревни. И стало Ивану ох как тошно!

Он открыл ставни в доме, принёс дров из сарая, обрадовался, что оста-

вил, уезжая, на всякий случай, запас сухих полешков. Затопил печь, перекусил привезённой из столицы едой: бутербродом с ветчиной, зелёным горошком из банки, персиковым компотом, лёг и уснул.

А на другой день, одевшись в старый тёплый полушубок, в крепкие сапоги, в шапку-ушанку, отправился побродить с ружьишком за спиной по местным болотам и лесам.

Как-то незначай добрался до заветной болотной кочки, присел там, закрыл глаза.

И вдруг снова услышал чей-то тихий голос, который укорял его за то, что не смог он воспользоваться помощью тех, кто жил когда-то в этих местах, кто хотел помочь ему, Ивану Коромыслову, жить по-человечески, жить самому и помогать другим, исполнять таким образом божий промысел.

Этот же голос нашептал Ивану, что поможет ему ещё раз. Есть в этих местах в большом овраге за краем болота чудесная глина, залежи её несметны. Если Иван найдёт её, сможет наладить новое дело, опять станет богатым человеком. Только в этот раз ему не надо мечтать о неизвестных островах, о тёплых морях, о походах на Северный полюс или Южный, у него есть дело поважнее, проложить асфальтовую дорогу до родной деревни, выстроить школу, больницу, дать работу жителям деревни, восстановить часовню святого Василия, ведь жил когда-то в этих местах человек, помогавший сирым и убогим, страждущим и болящим...

В следующие дни Иван исходил все ближайшие окрестности, действительно, нашёл чудесную глину в большом овраге за местным болотом. Оказалось, из этой глины можно делать прочные и очень дешёвые кирпичи. Иван основал новое дело, фирму «Коромысловские кирпичи». Затея оказалась успешной. В стране было много желающих построить себе дешёвое и добротное жильё. Прохор ему снова помогал. Иван построил в Васильеве новый просторный дом на месте развалившегося старого, мечтал построить больницу, школу, проложить асфальтовую дорогу до райцентра. Герр Грюнвальд снова нашёл Ивана и предложил ему свою помощь, звал поехать в Германию, заняться делом там. Иван поблагодарил за предложенную помощь, но ехать отказался, сказал, что сначала должен устроить достойную жизнь у себя на родине, а уж потом ехать куда-нибудь за границу.

Варя собиралась за Ивана замуж, сказала, что после окончания института приедет работать в Васильевскую больницу. Но, сказала Варя, если мы даже и поселимся здесь, в Васильеве, всё же время от времени будем выбираться и в Москву: походить по музеям, по театрам, послушать хорошую музыку, посмотреть «Трёх сестёр» Чехова в МХАТе, ведь мы не должны забывать, о чём писали русские писатели в далёком девятнадцатом веке....

И Иван был с ней совершенно согласен.

г. Москва

